

ОЛЫГА ВОЛОДАРСКАЯ

ТАМ, ГДЕ РАСТАЕТ
МОЙ СЛЕД

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
В68

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *С. Курбатова*

Володарская, Ольга.

В68 Там, где растает мой след : [роман] / Ольга Володарская. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-190947-5

В сонный приморский городок Марина-ди-Пиза, ставший излюбленным местом итальянских пенсионеров, Лида попала не случайно. В нем жила ее подруга Джина, а она...

Она планировала в нем умереть!

Частный детектив, или, как он сам себя называл, искатель Филипп Петров, попавший в Марину-ди-Пизу по работе, об этом не знал. Он планировал закрутить с Лидой легкий курортный роман. Но боги посмеялись над обоими...

Умерла не Лида, а другая женщина. Ее убили! В сонном городке, где ничего не происходит. Теперь Филиппу нужно искать убийцу, а Лиде бороться за жизнь, в которой неожиданно-негаданно появился мужчина ее мечты...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-190947-5

© Володарская О., 2024

© Оформление. ООО

«Издательство «Эксмо», 2024

Часть первая

Глава 1

Он несколько раз встречал эту женщину в городе...

Впервые на набережной. Она лежала на облизанном морем до гладкости гранитном валуне, как на диване, и смотрела на закат. В другой раз он увидел ее на рынке, у прилавка с персиками, еще в джелатерии, кофейне. Высокая, худощавая, с очень короткими волосами, выкрашенными в платиновый блонд, и темными задумчивыми глазами, сегодня она сидела на ступенях базилики и слушала через наушники музыку. Судя по движениям плеч, лирическую. Женщина будто танцевала с воображаемым партнером. Взгляд ее был отстраненным, вид немного печальным. И сегодня, и всегда. Только любуясь закатом, она улыбалась и губами, и глазами, и была очень хороша, поэтому Фил и обратил на нее внимание. Вторая встреча его разочаровала. Женщина оказалась самой обычной. К тому же старше, чем ему показалось вначале. Ей больше сорока, а не тридцать семь. И все же интерес не пропал. Фил, гуляя по городу, искал ее глазами.

Сегодня чуть не пропустил. Сел на террасу, намереваясь быстро выпить кофе и идти дальше.

Фил хотел попасть на почту, чтобы отправить из Италии открытки маме и сестре. Он всегда так делал, находясь за границей, и его девочки не только с радостью получали их, но и хранили. Подзывая официанта, он обернулся, увидел знакомую незнакомку, и решил задержаться в ресторанчике.

— Бокал розе, — попросил он. — Со льдом. И эспрессо.

Официант, мужчина в возрасте, с красиво подкрученными усами и серьгой в ухе, предложил взять сразу бутылку. Он уверял, что в его погребе имеется шикарнейшее венецианское розе, но оно на разлив не подается. К тому же оно холодненькое, и не нужно портить вино льдом. А еще только сегодня из деревни привезен козий сыр пекорино Тоскано, что (по скромному мнению усача) идеально оттенит вкус пино гриджо. Фил дал себя уговорить, хоть и не планировал много выпивать. Пора привыкать к хорошим винам, а то он ничего в них не смыслит, хоть и не впервые в Италии, которая ими славится. А еще официант так вкусно рассказывал и о розе, и о сыре, целуя собранные в гроздь пальцы, жмурясь от удовольствия, что невозможно было перед ним устоять. Фил был убежден, синьор не разводит посетителя на дорогое вино, он искренне хочет помочь ему насладиться прекрасным.

Зазвонили колокола базилики. Переливчато, нежно. Женщина, сидящая на ступеньках, тут же вынула наушники и стала слушать колокола. Ее губы вновь тронула улыбка, но глаза погрустнели. Она будто вспомнила о чем-то (ком-то?) дорогом, милом сердцу, но безвозвратно утерянном.

Фил так и не понял, кто она по национальности. В этом симпатичном городе на берегу Лигурийского моря отдыхали в основном местные. Приезжали из Пизы на машинах и автобусах на выходные. Путь занимал всего полчаса. В массе это были семейные пары с детьми. Реже дружеские компании. Люди в возрасте селились в апарт-отелях, кто побогаче, имел в Марина-ди-Пиза недвижимостью. И все же в городок иногда заносило иностранных туристов из Германии и Англии. Сначала Филипп принял женщину за итальянку, потом за немку, теперь же она виделась ему сербкой: высокая, как они, широкая в кости, кареглазая и от природы, скорее всего, темноволосая. Славянская внешность с южным уклоном Филу всегда казалась особенно привлекательной.

Синьор, что обслуживал Фила, вернулся к его столику с подносом. Пожалуй, он был не рядовым сотрудником, а владельцем кафе. У европейских рестораторов не считалось зазорным подменять официанта. Наверное, потому, что бизнес был, как правило, семейным. В пиццерии, где Фил обычно обедал, трудилось четыре поколения семьи Бенини. Основал ее прадед, который до сих пор сидит за кассой, сын его управляет заведением, внук — шеф-повар, а правнуки гоняют на великах по городу, развозя заказы. От работы никто не отлынивает, а когда засоряется дымоход, его чистит сам директор пиццерии «Бенини» — не отдавать же кровно заработанные постороннему человеку. Все в дом, в семью.

Усач при посетителе откупорил бутылку, чуть плеснул вино на дно высокого бокала. Фил про-

дегустировал розе. Да со знанием дела: посещал виноградники Тосканы, там и научился. Удостоившись одобрительного взгляда усача, кивнул головой, оценил то есть. Вино было действительно приятным, легким и будто отдающим лепестками роз, но то, что подавали на разлив, Филу тоже нравилось. Единственным алкогольным напитком, в котором он разбирался, был ром. Распробовал его Фил не на Кубе или Барбадосе, а во Франции. Страна, которая когда-то имела большие островные владения, как оказалось, славилась не только винами и игристым, но и ромом. Пожалуй, было бы неплохо охладиться коктейлем на его основе даже в Италии, но не в этом городке. Он ассоциировался у Фила только с легким, как морской бриз, вином, розовым — под цвет заката.

Фил сделал еще пару глотков, отправил в рот кусочек сыра. Он не спешил. В Италии все, даже воздух, расслабляет, погружает в негу. Хочется сидеть на террасе, пить вино или кофе, размеренно поглощать пищу, дегустировать ее, смаковать, а не закидывать, как в топку, жмуриться на солнце, позволять ему ласкать лицо, а ветру — трепать волосы, рассматривать людей, котиков, птишек, думать о чем-то абстрактном... Дремать! Филипп, привыкший спать по восемь часов и только ночью, пока боролся с собой и в часы сиесты не ложился покемарить, но лишь потому, что не планировал оставаться в Италии надолго. Жил он в мегаполисах с бешеным ритмом жизни. Родился и вырос в Баку, у суматошного Яшыл-базара, потом с семьей переехал в Москву, там учился в институтах, делал первые шаги в карьере. Сестра и сейчас там, мама недавно переехала в Минск,

а Фил последние три года обитает в Стамбуле. Ни один из этих городов, даже небольшой по сравнению с остальными Баку, не даст своему жителю расслабиться настолько, чтобы полеживать средь бела дня.

Бокал Фила еще не опустел, как предусмотрительный официант подлил еще вина, спросил, все ли в порядке и не желает ли синьор еще чего-то. Тот, понимая, что на почту уже не успевает, пожелал фокаччу: традиционную для этих мест пикантную пиццу.

Подняв бокал, Фил снова нашел глазами женщину. Она все еще сидела на ступеньках, но теперь с блокнотом. Не электронным, обычным, и записывала в него что-то перьевой ручкой. Кажется, «Паркером». Стихи сочиняет? Пишет музыку? Ведет дневник? Или банально составляет список покупок? Фил, если бы сидел рядом, обязательно заглянул бы в блокнот, так ему было любопытно, какое именно из его предположений верно. Очевидно, его взгляд оказался настолько пристальным, что женщина его почувствовала и обернулась. В глазах сосредоточенность. Вспоминает, знакомо ли ей лицо плящегося на нее мужчины. Оказалось, что нет. На Филиппа она не обращала внимания, хоть они пару раз оказывались в нескольких сантиметрах друг от друга. Обидно? Нет, скорее удивительно. Остаться для кого-то безликим, имея очень яркую внешность, практически невозможно. Огненно-рыжий Филипп, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания, обычно носил головные уборы. Кепки да шапочки еще тем хороши, что густые и кучерявые волосы в узде держат. Но именно тут, в Лигурии,

Фил дал им полную свободу. Пусть треплются на ветру, лезут в глаза, путаются в воде, выгорают на солнце до морковного цвета. В Стамбуле острижет их к чертовой матери, надоели. А бороде отрастит. С тем и другим ходить не мог, поскольку сразу превращался в скандинавского воина и напоминал прохожим то какого-то артиста, то рестлера, то модель, рекламирующую одежду для походов. Лучший друг Фила, Мурат, лысоватый худенький азербайджанец, негодовал из-за того, что Пасли (прозвище, прилипшее в детстве, означающее «Ржавый») не пользуется этим. Дал бог орехи беззубому, бубнил он, упаковывая свое узкоплечее тело в красивый костюм и фиксируя челку так, чтобы она не походила на жалкий хохолок. Мурат до женитьбы был страшным бабником, и чтобы добиваться успеха, ему приходилось много стараться. Другу же досталась внешность викинга, а ему на дамочек плевать. Не совсем, конечно, он в отношения вступает иногда, но без них ему как будто спокойнее. Сидит себе за компьютером, в кнопки тычет с утра до вечера. И ладно бы порнушкой баловался, так нет, в цифрах да схемах погрязает.

Пока в голове Фила проносились эти мысли, взгляд незнакомки изменился. Стал вопросительным и немного дерзким. Озвучь его, получилось бы: «Че вылупился?» Фил, немного опешив, отсалютовал даме бокалом. Та усмехнулась и вернулась к своим записям.

«Русская, — сразу понял Фил. — Только у наших бывает такой красноречивый взгляд, а в нем неприкрытый вызов!» Ему даже показалось, что он и ухмылку ее прочитал: «Салютует он, Вели-

ким Гэтсби недоделанный!» Впрочем, Фил мог ошибаться. В женщинах он разбирался плохо. Все его отношения были краткосрочными и поверхностными, ни с одной не захотелось задержаться надолго и, как следствие, ее разгадать. Он расставался легко, быстро своих бывших забывал, никаких выводов после разрыва не делал, а все потому, что ни разу не был влюблен. В студенческие годы, когда все его друзья бились в страстях, заваливали сессии, женились по залету, бросали все и уезжали с избранницей на Алтай или Гоа, Фил учился в двух институтах, подрабатывал где мог, да еще помогал маме с лежачим отцом. Ему было просто не до глупостей! Мурат же считал, что Пасли еще не созрел, потому что когда гормоны бушуют океаном, то и эмоции сносят, и тебе на все плевать, а на учебу особенно. Фил с ним, как с экспертом по страстям, соглашался. Но шли годы, а ничего не менялось. В плане эмоций. Секса же хотелось больше, чем раньше, но все потому, что на мысли о нем время появилось. И Фил получал его, когда сильно хотел, бывало, что и за деньги. Но одержимым сексом он тоже не стал. Есть — хорошо, нет — можно перенаправить нерастратченную энергию в нужное русло. Перезрел, вынес вердикт Мурат и немного Пасли посочувствовал. Что это за жизнь такая, без страсти? Прозябание...

Филипп встал из-за стола. Но тут же плюхнулся на место. Его маневра никто не заметил, и слава богу. Подходить к женщине, чтобы пригласить ее за столик, было поспешным решением. Несolidно так действовать. Да и как себя вести, если откажет? Помнил Фил, как на выпускном

он пошел через весь зал, чтобы пригласить на медленный танец королеву бала. Он впервые попробовал алкоголь, она всегда относилась к нему с симпатией, ведь они были соседями и приятелями. И Фил захотел потанцевать с подружкой, а она ему отказала, потому что тут, на балу, она королева, а он... Никто! Не спортсмен, не танцор, не кавээнщик. Даже не отличник-медалист. Фил, когда протрезвел, понял причину осечки, но осадочек, как говорится, остался. Больше он дам на медленные танцы не приглашал, но им не отказывал.

На столе, кроме салфетницы и набора со специями, стоял стакан с разноцветными карандашами и листиками белой бумаги — для детей, чтоб рисовали, пока готовится заказ. Фил подвинул его к себе, затем махнул рукой мальчишке с великом, что проходил мимо. В корзине, прикрепленной к багажнику, стояли горшочки с цветами. Чтобы не разбить их, пацан (по-итальянски: рагаццо) не ехал, а шел. Остановившись рядом со столиком Фила, он вопросительно протянул:

— Синьор?

— Сколько стоит? — Фил указал на один из горшков, в нем росли дивные цветочки небесно-голубого цвета.

Мальчишка задумался. Растения были не для продажи. Он доставлял их, как правнуки ресторатора Бенини пиццу, или вез горшки от цветочника к себе домой. Они явно на счет. Взял двенадцать, с него столько и спросят. Поэтому пацан и катил велосипед, чтобы все до единого целехонькими остались. За разбитый горшок отругают, а то и по заднице нададут. И все же это не такое страшное

наказание, если за него есть денежная компенсация. Итальянцы наличных денег ребятам просто так не давали, только по случаю, а так хотелось иметь в кармане хотя бы несколько евро. Лучше пятнадцать. На них можно новую футболку с логотипом «Ювентуса» купить.

— Двадцать евро, — выпалил мальчишка, зажмурившись от своей наглости. Такому цветку в лавке красная цена — пятерка. А вообще их все сами выращивают: неприхотливые.

— Хорошо, — не стал с ним торговаться Фил. — И я накину еще пять за доставку цветка. Согласен?

— Далеко не повезу, — стал набивать цену рагаццо.

— Вон той синьоре передай, — и кивнул в сторону знакомой незнакомки. — И вот эту записку, — он сунул ее между соцветий.

— Деньги вперед.

Фил, усмехнувшись, достал из кошелька несколько купюр. Любопытный пацан попытался прочитать текст записки, благо ее не свернули, но не смог разобрать ни слова. Написано не по-итальянски и даже не по-английски...

Зная несколько языков, Фил использовал русский. Был уверен, что женщина его поймет. Но если нет, нестрашно, заинтересуется, уже хорошо.

Мальчишка подошел к ней и неловко всучил горшок. Застеснялся в самый последний момент. Фил в его возрасте так же тушевался, когда вручал дамам букеты, даже если они учительницы.

Отработав гонорар, пацан быстро удалился, рискуя потерять еще одно растение: велик подпрыгивал на брусчатке, и горшки, теперь неплотно стоящие, сильно дрожали. Женщина проводи-

ла его улыбкой, открытой, искренней, задорной, после чего опустила взгляд на цветок и торчащую между стеблей записку. Брови ее взметнулись вверх. Удивилась русскому языку, но поняла его сто процентов. Фил приглашал даму присоединиться к нему и очень надеялся, что та согласится. Так и написал.

Незнакомка замешкалась. Она не только не сразу поднялась со ступеней, даже не посмотрела на Филиппа. И все же он дождался ее взгляда. На сей раз он не салютовал ей бокалом. Просто ждал решения.

— Как вы узнали, что я русская? — спросила женщина, подойдя. У нее был низкий, чуть хрипловатый голос. Для кого-то грубоватый, но ей он шел.

Фил встал, чтобы соблюсти правила этикета. Отец учил его с детства.

— Я предположил. И, как понимаю, не ошибся. Вы ведь не просто знаете великий и могучий, он ваш родной?

Она кивнула.

— Приятно услышать русскую речь, находясь на чужбине. — Женщина протянула руку и представилась: — Лидия.

— Филипп. — Он легонько пожал ее кисть и хотел отодвинуть стул, чтоб дама села, но его опередил синьор официант. Он не просто выполнял свою работу, а хотел произвести впечатление на даму: был обходительнее и милее обычного, играл глазами, шевелил усами, сыпал комплиментами. Фил отправил его еще за одним бокалом и приборами, но удалился он не сразу, а только после того, как представился Лиде. Звали усача

Люцио, и он оказался, как и предполагалось, владельцем ресторанчика.

— Я буду только воду, — сказала Лидия, усевшись. Цветок она поставила рядом.

— Может, хотя бы кофе?

— В жару не хочется.

— Джелато? — Все итальянское мороженое прекрасно, но регион Тоскана, где, собственно, они сейчас находились, особенно им славился.

— Я не голодна, спасибо.

— А я пиццу заказал, — не сдержал разочарования Фил. Не так он представлял их посиделки. Думал, выпьют, вкусно поедят, поболтают, пошмеются, потом пойдут гулять по набережной. Но Лида, судя по всему, не настроена на все это. Из вежливости присела за стол, сейчас попьет воды и пойдет по своим делам.

— Это нечестно, — простонала она. — Пицца — это то блюдо, от которого я не могу отказаться.

Фил просиял. А жизнь-то налаживается!

Вернулся Люцио. Принес не только посуду, приборы и воду, но и комплимент от заведения: компот из персиков с жасминовым чаем и миндальное печенье, подающееся к нему. Пиццу обещал подать через пару минут. К счастью, когда она приготовилась, в кафе пришла большая компания, Люцио переключил свое внимание на нее, и фокаччу водрузил на их столик паренек с залитым гелем хохолком, стоявший до этого за барной стойкой.

— Перейдем на «ты»? — сразу предложил Фил. Лида не возражала. — Каким ветром тебя занесло в этот городок?

— Встречным.

— Это антоним к «попутному», но я не очень понимаю...

— Все было против того, чтобы я сюда попала. Мне отказывали в визе, отменяли самолет, я даже в аварию попадала по дороге сюда. И все же добралась.

— У тебя тут живет кто-то близкий? Родственник, друг?

— Нет. Просто я влюблена в этот городок. Искренне, потому что необъяснимо. В Италии столько дивных мест, а моя душа рвется в Мари-на-ди-Пиза.

— Городок и меня очаровал, но я не смог бы задержаться в нем дольше, чем на неделю. А сколько ты тут находишься?

— Три месяца, и не планирую уезжать.

— Не скучно?

— Если чувствую, что засиделась, еду во Флоренцию. — Она с удовольствием выпила компота, а к печеню не притронулась. — А ты как сюда попал?

— По делам приехал в Пизу, закончив их, решил отдохнуть на море.

— А сам откуда?

— Родом из Баку.

— У тебя есть азербайджанские корни?

— Насколько я знаю, нет. Прапрадед по отцовской линии еще до революции молодым специалистом приехал в Баку из Симбирска, да так и остался. А мама моя сибирячка. С отцом познакомилась в Крыму, на дискотеке санатория «Ялта». Обоим туда дали путевки предприятия.

— Это было еще при СССР? Я думала, ты очень молод. Дала бы тебе тридцать.

— Я старше. — Фил разложил по тарелкам пиццу и взялся за нож и вилку, но, когда Лида ухватила ее руками, отложил приборы. Он при ней хотел соблюсти чуждые Италии приличия, но раз они на одной волне, будут лопать фокаччу со вкусом: трогать тесто, позволять расплавленному сыру стекать по подбородку, облизывать пальцы. — Я видел, ты что-то записывала в блокнот, — прожевав первый кусок, продолжил разговор Фил. — Можно узнать, что именно?

— Какие варианты?

— Я ставил на стихи, но не исключал списка покупок.

— Не хочется расстраивать, но ты не был близок. Я писала письмо маме. От руки, потому что она не умеет пользоваться электронной почтой. Да и приятнее это... Получать бумажные конверты со штемпелем другой страны.

— Согласен. Но своей я отправляю открытки.

— Я тоже. И распечатанные фотографии. Еще засушенные листики, цветочки. Картинки, фантики. Мы ведем настоящую переписку в стиле ретро.

— Звоните друг другу хотя бы по мобильному? Или телеграф?

— Вот ты смеешься, а я даже голосовые сообщения не могу отправить, у мамы кнопочный телефон. И естественно, до сих пор не отключен городской. А еще радио!

Она говорила весело и с аппетитом ела пиццу. Сейчас Лида была как девочка, пусть и с морщинками у глаз. Впервые Фил отметил, что она не

просто интересная, а красивая. Черты лица крупные, но правильные: выдающиеся скулы, прямой нос, в меру пухлые губы четкой формы, длинная шея, резкие ключицы. Можно было бы сказать, что у нее внешность современной амазонки, если бы не отсутствие мышц. Вид подтянутый, но не спортивный. Лида как будто много ходит и плавает в море, возможно, танцует, но не занимается даже йогой, не говоря уже о фитнесе.

— У меня что-то на лице? — обеспокоенно спросила Лида и принялась вытирать рот. Решила, что перепачкалась, вот он и устался.

— Нет, все в порядке, — успокоил ее Фил. — Просто засмотрелся на тебя... Ты очень красивая.

— Да? — она была удивлена.

— Разве мужчины до меня не говорили тебе такого?

— Раньше часто. Особенно тут, в Италии. Но я действительно была красоткой и выглядела сногшибательно, с длинными каштановыми волосами, макияжем, носила платья и каблуки. До Малены в исполнении Моника Белуччи недотягивала, конечно, но образ был похож.

— И почему ты ему изменила?

— Само как-то произошло, — невнятно ответила она.

Насколько Фил знал, женщина даже на десять сантиметров волосы не пострижет без какого-то толчка. Каре для длинноволосой — отчаянный шаг. Как и смена цвета. А тут и стрижка почти под ноль, и ультраблонд вместо родного каштана. Плюс иной стиль в одежде: удобный, полуспортивный, но с изюминкой. Сейчас, например, на Лиде накидка-трансформер из летящего матери-

ала, явно дизайнерская, простая майка и джинсы из массмаркета.

— А мне Моника Белуччи не нравится, — не покривил душой Фил. — А ты — да. — Розе подействовало? Или сама атмосфера? Но Фила понесло: — Я тебя давно заметил. Ты любишь закат на море, персики и лимонное джелато без всяких наполнителей. А еще ты пишешь письма маме ручкой «Паркер», но об этом я узнал только сегодня.

Она отложила недоеденный кусок пиццы и пристально посмотрела на Фила. Сейчас, когда солнце светило ей в лицо, глаза уже не казались черными. Карие, с янтарными прожилками. А кончики ресниц белесые. Подкрась их, будут длинными, пушистыми. С макияжем эта женщина совершенно точно была неотразимой, но Филу она нравилась именно такой — «не парадной».

— Извини, но я тебя не замечала.

— Уже понял, — усмехнулся Фил.

— Хотя ты очень яркий парень. Солнечный. И даже странно, что я не обратила на тебя внимание.

— Ты всегда была погружена в себя и людей как будто вообще не замечала.

— Это тоже вновь приобретенное. — Лида оставила тарелку с двумя корочками, чтобы больше к пицце не прикоснуться. Бережет фигуру, понятно: на теле ни жиринки. И Филу это нравилось, он не был поклонником пышных дам. — Всю жизнь была наблюдателем. И в первую очередь меня интересовали люди. Я внимательно рассматривала и детей и взрослых, иногда просто потому, что они радовали глаз, чаще, когда интриговали меня.

— Придумывала им характеры, привычки, имена, хобби?

— Больше того: судьбы.

Фил хотел попросить ее сделать это сейчас. Ему было интересно, что она думает о нем, какой видит его жизнь. Но Лида, будто бы догадавшись об этом, быстро разговор свернула:

— Но все это в прошлом, сейчас меня увлекают не сами люди, а их творения. Архитектура, живопись, музыка...

— А литература?

— Нет, я не читаю книг. Мне вдруг стало жаль времени на них. Зачем мне придуманный кем-то мир? Я хочу погрузиться в свой: провожать за горизонт солнце, вдыхать запах персиков, моря, кофе, сушеной лаванды, слушать колокольный перезвон, наслаждаться теми секундами, когда лимонное джелато тает на языке...

И опять эта поволока на глазах. Набежала на яркое золото глаз мрачной тучкой, и они стали пасмурными. Лида смотрела внутрь себя темно-карими глазами без всяких янтарных прожилок. Что же такое случилось с ней? Явно какая-то драма. Умер кто-то очень близкий, и жизнь разделилась на до и после? Ее предали, подставили? Чуть не убили? Или все прозаичнее, и от нее к лучшей подруге ушел муж, с которым она душа в душу двадцать лет...

— Загрузила я тебя, да? — услышал он голос Лиды. — Извини. Одичала я немного, разучилась поддерживать длительную беседу. Но в смол-токе я сильна! — Имелся в виду короткий разговор ни о чем с соседями, официантами, продавцами, водителями такси.

— Ты не грузишь, — не согласился с ней Фил. — Но часто погружаешься... В себя. Это тоже приобретенное?

— Нет, такой я была всегда. Случалось, смеялась ни с того ни с сего, чем удивляла, а порой злила окружающих. Они думали, я над ними.

— А ты над своими мыслями? Со мной случается нечто подобное. И выглядит еще более странно, нежели смех без видимой причины. Дело в том, что я часто развлекаю себя решением в уме математических задач. Над особенно сложными бьюсь по несколько дней и, когда расщелкиваю их, могу прокричать ответ. Я и на лекциях орал, и на совещаниях, и в очереди на паспортном контроле.

— Да, ты еще более странный, чем я, — шутливо проговорила Лида. — Кстати, я по образованию учитель математики и несколько лет проработала в гимназии. А ты чем занимаешься?

— Программист, — почти не соврал он. Фил в том числе работал и с компьютерными системами.

— И какие же дела могут привести человека твоей профессии в Пизу? — недоверчиво спросила она. Соображает! Но и он не лыком шит:

— Клиент очень боится кражи информации. И он очень богат. Такому легче привезти программиста к себе, усадить его за личные компьютеры и проконтролировать работу.

— Это ведь не поможет? Программист, тем более умеющий держать в памяти решения сложных математических задач, найдет способ совершить кражу.

— Конечно. Но клиенту об этом знать не нужно. Тем более я не занимаюсь компьютерным

воровством. — И про себя добавил: «С некоторых пор».

Вино кончилось, опустел стакан с компотом, от пиццы остались лишь корки. Фил больше ничего не хотел, как и Лида.

— Прогуляемся до моря? — предложил он.

Она согласилась. Расплатившись и оставив щедрые чаевые, Фил повел даму к кипарисовой аллее, следуя по которой они попадали на набережную. Люцио махал им вслед и всем своим видом показывал, что одобряет выбор рыжекудрого туриста. Усач имел хороший вкус во всем, не только в вине и сырах, но и в женщинах.

Цветок Лида завернула в пакет и убрала в котомку. А из нее достала солнечные очки. Фил тоже прикрыл глаза затемненными стеклами — солнце било прямо в них.

— А ты довольно высокий, — отметила Лида. — Я думала, с меня.

— Кажусь ниже из-за комплекции. — Он поиграл мощными руками.

— Спортсмен?

— Просто хожу в зал. Работа сидячая, вот и приходится тренировать, чтобы не расплыться.

Опять соврал! По малости, и все же. Фил посещал зал почти каждый день. Если не было такой возможности, бегал, прыгал, подтягивался, отжимался на улице. Тут, например, он каждое утро совершал марш-бросок до дикого пляжа, там таскал камни, и напрягая мышцы, и расчищая заход в воду, потом плавал, занимался растяжкой. Все это он делал не для того, чтобы хорошо выглядеть. И не разжирел бы он никогда, разве что брюшко бы наел да щечки. Фил обзавелся мощным мы-